

“ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ” КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Е.В. БАЛАЦКИЙ

За пределами “экономического империализма”: преодоление сложности

В статье обосновывается тезис о действенности и плодотворности концепции “экономического империализма”. Раскрывается его сущность и роль в интеграции социальных наук. Рассмотрены основные проблемы современного экономического знания, которые необходимо преодолеть в ближайшие десятилетия. Проанализирована роль феномена сложности в развитии науки, предложена доктрина циклов сложности, объясняющая качественные сдвиги в научной методологии.

Ключевые слова: экономический империализм, интеграция социальных наук, циклы сложности.

In article the thesis about effectiveness and fruitfulness of the concept of “economic imperialism” is proved. Its essence and a role in integration social sciences reveals. The basic problems of modern economic knowledge which is necessary for overcoming the next decades are considered. The doctrine of cycles of the complexity, explaining qualitative shifts in scientific methodology is offered.

Keywords: economic imperialism, integration of social sciences, complexity cycles.

Вопросам специфики экономической науки, ее прошлому и будущему посвящено множество работ. Сегодня, как никогда ранее, явственно ощущается кризис экономической теории и, более того, делаются попытки нащупывания новой архитектуры экономического знания. Однако большинство вопросов так и остается без ответов. Например, может помочь в обновлении экономики доктрина “экономического империализма” или нет? Каким видится будущее синтетическое экономическое учение? Какие препятствия стоят на этом пути? От чего придется отказаться для осуществления плодотворного обновления экономики? Ниже попытаюсь дать наброски ответов на поставленные вопросы.

Экономический империализм: миф или реальность?

Дискуссия по проблеме экономического империализма представлена на страницах данного журнала уже многими работами¹. Однако знаковой можно считать статью [Полтерович, 2011], в которой обосновывается иллюзорность самого феномена

¹ См. [Тамбовцев, 2008; Радаев, 2008; Шабалова, 2010; Либман, 2010; Автономов, 2010; Олейник, 2008; Гуриев, 2008].

Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, главный редактор Интернет-издания “Капитал страны”.

экономического империализма. Данный тезис обосновывается тем, что существенные черты экономического подхода не свойственны тем междисциплинарным исследованиям, которые осуществляются в рамках экономического империализма. При этом В. Полтерович использует положение Г. Беккера о том, что предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений образуют сердцевину экономического подхода [Беккер, 2003]. Анализ показывает, что данные принципы, как правило, оказываются слишком общими, расплывчатыми и неконкретными, чтобы служить путеводной нитью в междисциплинарных исследованиях. Более того, Полтерович утверждает, что внедрение экономического подхода в другие науки происходит не за счет культивирования указанных трех принципов (предположений), а за счет удачной формализации теоретических построений посредством теории игр и эконометрики, которые сами по себе не суть экономические инструменты. Следовательно, по Полтеровичу, и сам “экономический империализм” не реальный феномен, а некий фантом.

С таким утверждением нельзя согласиться. Дело в том, что узкое понимание Беккером сущности экономического подхода нельзя использовать для отрицания самого экономического подхода. Например, в цитированной статье Беккера используется и расширительное понимание экономического подхода, которое опирается на основополагающие понятия экономики, такие как рынок, спрос, предложение, взаимосоглашанное поведение, цены, доходы и т.п. Благодаря именно этим понятиям экономика все эти годы успешно вторгалась в смежные области научного знания. Например, Д. Норт объясняет укрупнение европейских государств эффектом масштаба при формировании оборонного сектора [Норт, 2010]. Здесь, вопреки утверждению Полтеровича, никакого использования Нортом теории игр и эконометрики не просматривается. Между тем работы Норта по истории цивилизации представляют собой классический пример триумфа применения экономического подхода к истории.

Массу примеров использования экономического подхода дает современная психология. Например, в работе Д. Канемана [Канеман, 2006] приводится множество эффектов, которые интерпретируются с помощью теории ресурсов, то есть в экономических терминах. В частности, экономические объяснения используются при объяснении закона Йеркса-Додсона и его следствий [Канеман, 2006, с. 53]. И здесь также отсутствует применение теории игр и эконометрики. Кстати говоря, стоит напомнить: и в работах самого Беккера данные виды математического инструментария не применялись, что не помешало им получить статус классических экономических текстов.

Таким образом, экономический империализм – абсолютно реальное научное движение, которое базируется на активном использовании экономических понятий и в первую очередь понятия *экономической эффективности*. Именно оно лежит в основе трех принципов (предположений) Беккера. Понятие экономической эффективности настолько всеобъемлюще и универсально, что пронизывает практически все стороны социальной жизни, чем, собственно, и обусловлен успех экономического подхода. Следовательно, экономический империализм – отнюдь не миф, а проявление того глубокого содержания, которое заключено в главном понятии экономики – экономической эффективности.

Вообще, не следует усматривать в экономическом империализме больше, чем стремление к диалогу представителей разных социальных дисциплин, что, в конечном счете, должно привести к некоему методу, который Полтерович называет социальным анализом, хотя, на мой взгляд, здесь было бы правильно говорить об общем социальном синтезе.

Надо сказать, что “великое объединение” в социальных науках наметилось давно, имея множество более ранних и современных аналогов. Например, еще в конце 1940-х гг. Н. Винер сформулировал основные принципы новой комплексной науки – кибернетики. По сути это был первый пример междисциплинарного синтетического знания

XX в. Однако кибернетика уже к началу 1980-х гг. прекратила свое существование, распавшись на множество традиционных дисциплин, которые полностью вобрали в себя принципы изучения, апробированные кибернетикой. Тем самым объединение оказалось нестойким.

Сегодня мы можем наблюдать становление таких новых и вполне самостоятельных наук, как когнитивистика, нейрология и синергетика². Например, когнитивистика – это сложная смесь философии, филологии, математики, информатики, психологии и биологии. Нейрология представляет собой синтез биологии, медицины, психологии, физики и информатики. Синергетика также есть сложное объединение математики, информатики, физики и философии, а также принципов теории систем. В последнее время все явственнее оформляется теория эволюции как междисциплинарная наука. В этом смысле намечающийся синтез социальных наук – обычное проявление общего тренда в формировании нового знания.

Чрезвычайно любопытно “свойство вытеснения”, характерное для новых синтетических дисциплин. Например, социолог Н. Бабиц вполне искренне опасается, что со временем все представители социальных наук будут вытеснены нейрологами, которые устанавливают непосредственную связь между деятельностью мозга и поведением человека³.

Говоря об экономическом империализме, как правило, никогда не упоминают его контртенденцию. Дело в том, что экономика последние десятилетия демонстрировала не только агрессивную экспансию в отношении “чужих” областей знания, но и необыкновенно высокую методологическую пластичность, открываясь внедрению в “свою” область других наук. Так, она легко вобрала в себя и “переварила” многие достижения когнитивистики, нейрологии и синергетики. Можно смело утверждать, что дух синергетики пронизывает практически всю экономическую теорию; ее объединение с нейрологией привело к образованию такого раздела, как нейроэкономика, а современные институциональные исследования во многом опираются на достижения когнитивистики. Даже теория эволюции дала такое направление, как эволюционная экономика⁴. Другие социальные науки подобной открытости и пластичности не демонстрируют.

Таким образом, традиционное понимание экономического империализма следует несколько расширить и воспринимать его не только как односторонний процесс внедрения своих методов анализа в смежные социальные дисциплины, но и как способность к заимствованию, “захвату” методов других наук. Видимо, этим обстоятельством во многом и объясняется ведущая роль экономики в формировании синтетического социального знания. Впрочем хотелось бы отметить, что столь расширительное понимание феномена экономического империализма многие исследователи не принимают.

Вместе с тем его узкое восприятие, когда готовые теории и инструментарий плодотворно переносятся на другие науки, на мой взгляд, деструктивно. Переноситься могут только общие принципы и понятия, общий способ рассуждения; конкретные модели, методы, формулы и теоремы, как правило, надо адаптировать к конкретной проблеме. Может также показаться, что факт использования общих понятий и принципов экономики в других науках слишком очевиден и тавтологичен. Однако в данном случае речь идет о том, что экономические понятия используются для систематического объяснения человеческого поведения в сфере социологии, права, истории и пр.

² Иногда данное научное направление называется иначе – например, теорией хаоса, теорией сложности, теорией хаососложности или теорией самоорганизации.

³ Данный тезис был неоднократно высказан Бабицем в частных беседах с автором.

⁴ Любопытно, что экономика подверглась еще и атакам со стороны “социологического империализма”, что лишний раз говорит об открытости и податливости самой экономической науки.

Наращение сложности как генеральный тренд в развитии науки

Даже экономический империализм породил множество проблем, создание же единого социального знания сопряжено с еще большим числом проблем. Какие же сложности придется преодолеть, чтобы построить новое здание социального знания?

На мой взгляд, главная проблема – избыточная сложность современной экономической науки. Рассмотрим лишь некоторые, наиболее важные ее составляющие.

1. **Дефицит реальных проблем.** Сегодня представители экономической науки настолько увлеклись всевозможными описаниями и аналитическими схемами, что им уже не хватает для этого реального фактического материала. Многие практические проблемы требуют простых решений с соответствующими простыми теоретическими обоснованиями; число же по-настоящему сложных проблем настолько невелико, что большая часть экономистов уже сегодня не знает, чем заняться. Ярким примером такого положения дел служат заявки российских исследователей на конкурсы, проводимые Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Советом по грантам Президента РФ. Почти все заявки артикулируют надуманные проблемы, не имеющие практического значения. В крайнем случае, когда проблема все-таки имеет практическое звучание, ее теоретическое рассмотрение, как правило, не подводит к решению. Иначе говоря, аналитический потенциал современной экономической науки превосходит практические нужды общества, что делает само экономическое знание малорезультативным [Балацкий, 2009]. В каком-то смысле сама экономическая наука стала сложнее, чем те процессы и проблемы, которые она призвана изучать.

Доказательство надуманности большинства задач экономической науки – низкая продуктивность журнальных публикаций. Наличие тысяч экономических журналов, каждый из которых ежеквартально или даже чаще выпускает объемный том, набитый формулами, моделями, теоремами, диаграммами и кейсами, наводит на мысль об их низкой практической отдаче. В противном случае, если бы все эти изыскания имели бы хоть какое-то практическое значение, мы, скорее всего, уже давно жили бы в раю. Между тем это далеко не так – практические экономические проблемы углубляются, а экономическая наука продолжает “развиваться”.

2. **Переполнение информационного пространства.** Прямое следствие неимоверно разросшегося экономического сообщества – наличие огромного числа журналов и книг. Например, в 1960-е гг. многие журнальные статьи имели библиографию, насчитывающую 5–10 источников. Сегодня вполне нормальным считается, когда в статье фигурирует 30–50 ссылок на соответствующую литературу; в обзорных статьях библиография может состоять из сотен наименований. Это означает, что подготовка статьи становится все более трудоемкой, так как необходимо просмотреть массу предыдущих публикаций, осмыслить их, сделать на них сноски и т.п. Учитывая продолжающийся ускоренный рост информации, можно предположить, что через 20 лет среднестатистическая статья должна будет содержать библиографию из сотни научных источников. Если пойти немного дальше, то вполне логично будет предположить, что через 100 лет рядовая статья будет включать в себя 1000 ссылок на предшествующие работы. Таким образом, простейшая экстраполяция приводит нас к гегелевской “дурной бесконечности”. Данный факт свидетельствует о тупиковости сформировавшейся тенденции к возрастанию *количественной сложности* экономического знания.

Надо сказать, что академическое сообщество, довольно щепетильно относясь к системе ссылок и цитирования, поддерживает тренд по нарастанию размера библиографий. Если же требования к цитированию резко снизятся, то это автоматически будет означать, что масса работ так и останется невостребованными – их не будут читать, на них не будут ссылаться. Следовательно, и сохранение тренда, и его нарушение будут связаны с деструктивными процессами внутри научного сообщества.

3. **Закрытость эффективных технологий.** Альтернативу проблеме переполнения информационного пространства малозначимыми разработками составляет проблема

закрытости и засекреченности многих плодотворных исследований. Это в большей степени характерно для естественно-научных дисциплин, где почти все время ведутся секретные исследования в области новых видов оружия. Однако в последние десятилетия не менее активно разрабатываются и социальные технологии воздействия на человека и общество. Причем эти технологии от традиционных академических работ отличаются комплексностью и мультидисциплинарностью. Между тем они редко или с большим опозданием оказываются в открытой печати.

Для иллюстрации данного тезиса приведу лишь четыре показательных факта. Первый связан с разработкой корпоративных Форсайтов в США и Японии. Данная технология предвидения и управления будущим развитием была давно апробирована во многих крупных корпорациях, однако все эти разработки в основном были засекречены. В Японии эти работы оказались обнародованы только через 20–30 лет после их старта, когда сами проекты были завершены и стали неактуальными. Между тем технология Форсайтов представляет собой передовой подход к разработке стратегических планов. Сегодня уже довольно много информации “просочилось” в открытую печать, однако последние наработки в этой области – по-прежнему “для служебного пользования”.

Другой пример связан с деятельностью Беркмановского центра изучения Интернета и общества (*Berkman Center for Internet and Society*), созданного в 1997 г. при Гарвардском университете в США. Сотрудники его занимаются социокультурными проблемами Интернета, социальными сетями, феноменом блогосферы и когнитивистикой. В последние годы Центр работал над проектом “Интернет и демократия”, получив грант в 1,5 млн долл. от Инициативы ближневосточного партнерства (“*Middle East Initiative partnership*”). Главный объект исследований и практических действий проекта – Ближний Восток (арабские страны и Иран). Некоторые аналитики считают Беркмановский центр ответственным за революции и перевороты в арабских странах путем применения новейших коммуникационных и информационно-психологических технологий, с помощью которых осуществлялось воздействие на сознание и подсознание людей в странах-мишенях [Фурсов, 2011]. Между тем никаких открытых публикаций Центра о фундаментальных разработках в области технологий влияния на социум до сих пор нет.

Третий пример связан с разработкой программ для биржевой игры. Покупка подобных дорогостоящих роботов, которые осуществляют операции по купле–продаже биржевых активов, позволяет сэкономить на трейдерах и довольно быстро окупается. Однако алгоритмы, “защитые” в подобные программы, являются коммерческой тайной и в академических изданиях не публикуются.

Четвертый пример – программы по оценке кредитоспособности клиентов банка. Они создаются на основе устанавливаемых сотрудниками банка связей и зависимостей на базе собираемого эмпирического материала; иногда программа оперирует 600 показателями. По мере накопления подобных знаний в алгоритм программы вносятся дополнения и изменения; иногда что-то, наоборот, убирается по причине “поломки” ранее установленных зависимостей. Тем самым автоматизированная методика – “живая”, постоянно обновляющаяся. При этом банк держит все зависимости и алгоритмы в строжайшем секрете⁵.

К сказанному можно добавить еще один тренд, о котором не принято говорить, а именно: многие “продвинутые” курсы по экономике, читаемые ведущими профессорами, редко можно найти в открытом доступе; вся информация ограничивается программой курса. Более того, такие курсы не оформляются в виде готовых учебников. Это связано с желанием преподавателей сохранить эксклюзивность знаний и курса для обеспечения своей востребованности на рынке труда. Часто подобные лекции издаются лишь тогда, когда соответствующий профессор либо меняет профиль деятельности, либо уходит на другую работу, либо уже близок к выходу в отставку (на

⁵ Автор обязан этим примером А. Богдановой, за что он приносит ей искреннюю благодарность.

пенсию). Следовательно, систематизированные специальные знания, имеющие образовательную ценность, капитализируются их носителями, что предполагает их, по крайней мере, временное сокрытие от общественности. Подобных примеров можно привести сколько угодно.

Таким образом, сегодня уже сформировалась двухслойная экономическая наука. Первый слой – открытая академическая наука – представляет собой огромное информационное пространство, переполненное малоценными разработками, тогда как второй слой – засекреченные работоспособные технологии – представляет собой документацию, доступную лишь избранным. Если довести данную ситуацию до логического завершения, то получается следующая закономерность: все, находящееся в открытом доступе, – не ценно, а все то, что ценно, – недоступно. При явном преувеличении данного утверждения ясно главное – существование двух разнородных пластов экономической информации. Сохранение такой ситуации чревато дальнейшей девальвацией экономического знания.

4. Математизация социального знания: синдром подмены. В настоящее время мы присутствуем при усиливающемся перекосе в сторону формализации социального знания. Подобное увлечение, длящееся уже больше века, становится все более неэффективным и неконструктивным. Произошедшая подмена изучения сущности социальных явлений на их математическое описание чем дальше, тем больше становится очевидной и вызывает растущее недовольство в самом экономическом сообществе. Уже сейчас на многих конференциях и семинарах все чаще и явственнее звучит лозунг: “Надо все упрощать”. Даже среди нобелевских лауреатов зреет недовольство оголтелым применением математики в экономике. В частности, соответствующим образом высказывались В. Леонтьев, М. Алле, П. Кругман. Причем все они – представители математической экономики.

Сегодня уже имеются и откровенные курьезы в построении экономического знания. Например, Р. Ауман, комментируя присуждение ему в 2005 г. Нобелевской премии по экономике, заявил, что в экономике как таковой он разбирается не слишком глубоко (см. [Латов]). Это и не удивительно, ибо на протяжении всей своей жизни он занимался почти исключительно математическим анализом теории игр.

Другим курьезом можно считать разоблачения экс-президента Эконометрического общества А. Рубинштейна. Например, он констатировал: “По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы” (цит. по [Ефимов, 2011]). Рубинштейн считает, что как экономисту-теоретику ему почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций [Рубинштейн, 2008].

Аналогичный протест против математики и абстракций зреет и в студенческой среде. Например, известна история, когда в 2007 г. группа профессоров экономики французских университетов была вынуждена подготовить свой ответ на протест студентов-экономистов по поводу учебных планов и программ, погружающих их в “вымышленные миры” [Ефимов, 2011]. Однако само открытое письмо-протест, размещенное в газете “Le Monde” и подписанное впоследствии десятками тысяч студентов и преподавателей всего мира, представляет собой яркий памфлет против засилья математики в экономике и оторванности экономической теории от реальности [Бузгалин, 2012].

В 2011 г. студенты Гарварда демонстративно покинули лекцию известного экономиста Г. Мэнкью, чей учебник по экономической теории был переведен на десятки языков и вышел огромными тиражами в разных странах мира [Забастовка... 2012]. Надо сказать, что в своем открытом письме профессору Мэнкью американские студенты довольно туманно сформулировали причины своего “восстания”, однако сам факт их острой неудовлетворенности содержанием читаемого курса симптоматичен.

На волне протестных настроений против засилья математики и абстракций в экономической теории в начале XXI в. появляется Интернет-журнал “Обзор пост-аутистской экономики” (“Post-Autistic Economics Review”), который впоследствии преобразовался в журнал “Обзор экономики реального мира” (“Real-World Economics Review”), с подписчиками более чем из 150 стран мира.

Тем не менее, несмотря на усиливающееся противостояние формализации экономики, мейнстрим по-прежнему непоколебим. Отчасти это связано с отсутствием эффективной альтернативы методам точного (математического) описания социальных процессов. Соответственно, “синдром подмены” экономического содержания математическим описанием продолжает сохраняться. Его суть можно выразить следующим образом: *периферия математики выдается за авангард экономики*. Иными словами, многие инструментальные исследования в области экономики представляют собой обочину современной математики, однако полученные в этой области формальные результаты в виде моделей и теорем выдаются за передовую экономическую теорию. Главный результат такого положения дел – переполнение экономической науки своеобразным спамом, то есть информационным мусором, который уводит в сторону от важных содержательных проблем. Подобная ситуация типична для “старых” рынков [Балацкий, 2010].

5. Игнорирование наукой практически важных проблем. Отчасти из-за “синдрома подмены”, а отчасти за счет идеологизации экономической науки происходит отторжение важных исследовательских проблем. Хрестоматийный пример в свое время привел М. Алле. Он обратил внимание на тот факт, что в 1987 г. уровень безработицы в США, Канаде, Англии, ФРГ и Франции составлял 8,7%, а в Швейцарии – лишь 0,7%. Тем не менее нигде не было проведено углубленного сравнительного анализа причин такого парадоксального положения дел [Алле, 1994].

Со своей стороны, добавлю другой, не менее интересный пример. Сегодня в разных странах мира имеется множество городов, в которых обеспечено оптимальное сочетание экономических и социальных достижений. В них есть работа для проживающих людей, в них созданы социальные, инфраструктурные и культурные условия для нормальной жизни, и там нет того переполнения пространства “человеческим материалом”, когда ритм жизни и отношения между людьми вызывают перманентный дискомфорт у горожан. Одновременно с этим почти все города мира тяготеют к одной из указанных крайностей: либо развитый экономический центр с нарушенной экологией, эргономикой, высокой преступностью и изуродованными общечеловеческими отношениями, либо спокойное захолустное поселение, где нет ни работы, ни медицинских, образовательных и культурных учреждений. Исследования по определению оптимальных характеристик современных городов практически не ведутся.

Как в моем примере, так и в примере Алле блокировка исследований сопряжена с нежеланием властей решать общественные проблемы. Вместо этого общественности предлагаются абстрактные модели и сложные теоремы.

6. Перенакопление инструментальной сложности. Построение моделей и формализованной экономической теории приводят к тому, что они со временем продолжают все больше усложняться. Усложнение моделей вызывает лавинообразное увеличение математических трудностей. Однако преодоление этих трудностей уже, как правило, не оправдывает себя. Как справедливо отмечал В. Макаров, у всех прославленных экономических моделей есть свой предел; их усложнение не приводит к лучшему пониманию, к новым знаниям [Макаров, 2010, с. 213]. Этот тезис абсолютно верен и чрезвычайно важен для понимания современного состояния экономической науки.

Между тем уже сегодня разрабатываются очень сложные компьютерные модели, которые позволяют давать конструктивные ответы на поставленные вопросы. При этом сложность моделей такова, что исследователь, получая результат, не может его объяснить – вычисления проходят по такому сложному “клубку” причинно-следственных связей, что отследить и осознать все возмущения моделируемой системы анали-

тик просто физически не может. В этом случае на выходе получается результат без простого теоретического объяснения [Макаров, 2010, с. 214]. Иными словами, современная экономическая наука уже сегодня порождает *знание без теории, знание без объяснения*. Это противоречит традиционной научной парадигме и выходит за рамки “экономического империализма”⁶.

Перечисленные проблемы ставят серьезные барьеры на пути построения более продуктивной экономической науки. Соответственно, создание нового знания предполагает то или иное решение этих проблем.

Доктрина циклов сложности

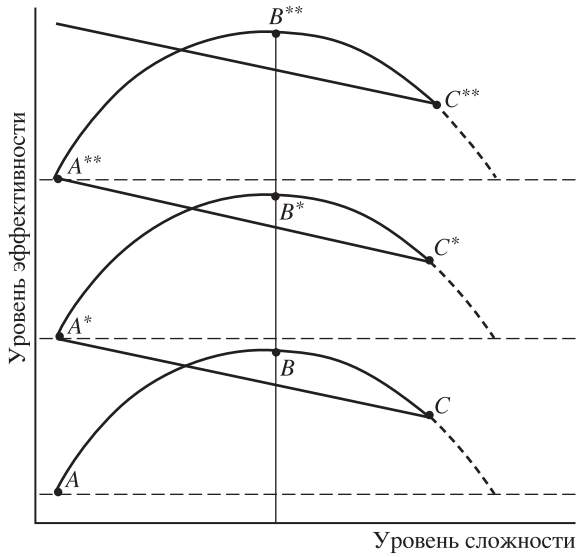
В предыдущем разделе было показано, что основное препятствие к развитию экономической науки – ее всевозрастающая сложность. При этом уже сейчас просматриваются все симптомы падения продуктивности экономики. Как можно выйти из такого положения дел?

На мой взгляд, решение состоит в качественном переходе с резким понижением уровня сложности науки. К тому же подобные переходы являются нормой развития науки. Иными словами, развитие науки подчиняется своеобразной *доктрине циклов сложности*. Согласно ей, на протяжении длительного периода времени происходит рост уровня сложности науки с одновременным ростом ее эффективности (продуктивности), проявляющейся в росте ее объяснительного (теоретического) и рекомендательного (прикладного) потенциала; однако по достижении критического уровня сложности (точки B , B^* и B^{**} на рис. 1) наука утрачивает свою эффективность и начинается деструктивное наращивание научного багажа. На данном участке развития наука оказывается в состоянии системного кризиса, из которого она рано или поздно выходит путем пересмотра своей методологии или парадигмы. В этот момент начинается переписывание науки заново – в новых терминах и с применением новых методов. При этом новая модель науки, как правило, оказывается проще ее предыдущей версии, а результаты дает не хуже, а даже лучше. Затем цикл повторяется до следующего *кризиса сложности* и т.д. Схематично этот процесс показан на рисунке 1; в точках C , C^* и C^{**} происходит качественный скачок к новой научной парадигме (методологии).

Альтернативой доктрине циклов сложности служит парадигма, которую можно назвать *доктриной непрерывного роста сложности*. Согласно ей, эффективность развивающейся системы нарастает по мере роста ее сложности. Однако рано или поздно настает момент достижения такого уровня сложности, когда большинство субъектов не справляется со сложившимся трендом и оказывается не в состоянии повышать свою эффективность. Для них в этой точке бифуркации происходит разворот в развитии и начинается деградация; избранные субъекты, успешно справившиеся с возрастающей сложностью, продолжают эволюционный рост эффективности. Применительно к науке это означает следующее: в точках бифуркации часть представителей науки “выходит в тираж”, то есть покидает ее, тогда как другая часть продолжает “делать” еще более сложную и “продвинутую” науку. Подобная трактовка эволюционной траектории приведена в [Дроздов, 2010]; схематично она может быть представлена на рисунке 2, в точках A , B и C происходит бифуркация (расщепление) научного сообщества.

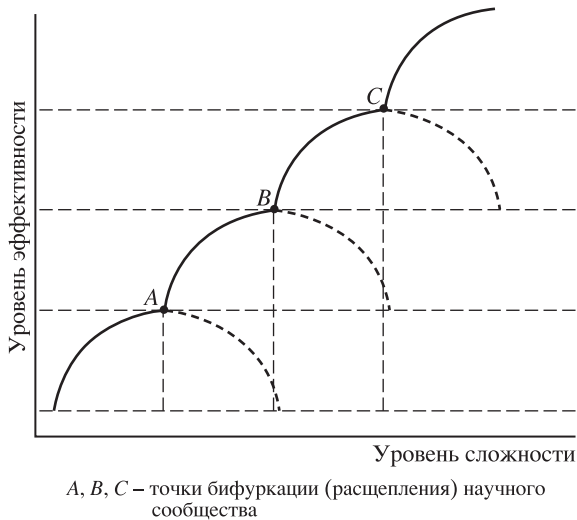
Разумеется, обе схемы присутствуют в развитии науки. Однако доктрина непрерывного роста сложности, на мой взгляд, характерна для науки на траектории реализации принятой парадигмы. В точках пересмотра парадигмы, которые нас интересуют в данном случае, развитие подчиняется доктрине циклов сложности. Иными словами, если первая схема описывает эволюционное движение в рамках “спокойных” периодов, то вторая – революционные встряски в кризисных точках развития науки.

⁶ Апофеозом новой науки может стать ситуация, когда будет формироваться *знание без понимания*. А это уже замена обычного рационального познания интуитивным постижением. Однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

A, A^*, A^{**} – точки бифуркации (расщепления) научного сообщества
 B, B^*, B^{**} – точки критического уровня сложности науки
 C, C^*, C^{**} – точки качественного скачка (перехода к новой парадигме)

Рис. 1. Схема реализации доктрины циклов сложности.

A, B, C – точки бифуркации (расщепления) научного сообщества

Рис. 2. Схема реализации доктрины непрерывного развития науки.

В предыдущем разделе показано, что уровень сложности в экономической науке достиг предела, который надо как-то преодолеть. Скорее всего, это будет сделано путем диалектического отрицания многих методов и прежде всего математических. Разумеется, эту точку зрения разделяют не все. Например, некоторые полагают, что для того, чтобы двигаться вперед в экономической теории, нужны лучшие математические методы; кроме того, знакомство с математическим инструментарием позволяет думать о той или иной проблеме по-другому.

Вместе с тем уже явственно звучат призывы к “очищению” экономики от избыточной математизации. Так, Кругман полагает, что “уравнения и диаграммы формализованной экономической теории обычно выступают в качестве своего рода строительных лесов, необходимых, чтобы воздвигнуть интеллектуальное сооружение. После того как оно до определенного уровня построено, леса убирают, а описание сущности конструкции излагают самым простым и доступным языком” [Кругман, 2009, с. 19–20]. Н. Талеб настроен еще более радикально, полагая, что “математика имеет такое же отношение к знанию, как протез к настоящей руке; но некоторые специально производят ампутацию, чтобы заменить руку протезом” [Талеб, 2012, с. 166]. Фактически Талеб говорит о том, что человек, обладающий хорошо развитой интуицией и вооруженный правильными методологическими принципами, может без труда разбираться в явлениях экономического мира без использования сложных математических конструкций.

Похоже, что построение общего социального анализа (синтеза) сопряжено с диалектическим отрицанием многих достижений современной экономической науки. Фактически речь идет о необходимости *переписывания* экономической науки с неких более общих принципов и позиций. Насколько реальны подобное переписывание и столь масштабные реформы существующего экономического знания? Чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл бросить ретроспективный взгляд на историю развития экономической науки. Оказывается, в ней можно увидеть несколько “сгущений сложности” и их диалектические отрицания. Рассмотрим некоторые из них.

1. **Переход от научных трактатов к статьям.** Если посмотреть на работы классиков политической экономии, то мы увидим, что все они представляют собой чрезвычайно объемные фолианты. Трехтомные трактаты Дж.С. Милля, К. Маркса⁷, а позже и А. Маршалла сегодня совершенно не пригодны для чтения. Такого количества времени и сил, которые необходимы для тщательного изучения подобных произведений, у современного человека просто нет. Накопление в арсенале экономической науки большого числа таких крупных по форме трактатов породило неявный кризис, разрешившийся путем перехода в начале XX в. к тематической специализации и изданию журналов с относительно короткими статьями.

2. **Замена гуманитарных текстов формализованными исследованиями.** Вопреки многим поверхностным суждениям о роли математики в экономике, я считаю, что математизация традиционных экономических текстов в свое время ознаменовала этап упрощения научных построений. Например, работы О. Бем-Баверка представляют собой классический образец методологического кризиса. В них анализируются тончайшие вопросы экономики в маргинальных терминах; при этом такие сложные понятия и явления, как предельная полезность, замыкающие предельные издержки, перенос стоимости по стадиям жизненного цикла основного капитала и т.д., увязаны между собой лишь словесно. Это создает огромные трудности для адекватного восприятия текста. Аналогичные коллизии характерны для работ Й. Шумпетера и Дж.М. Кейнса. Например, “Общая теория занятости, процента и денег” Кейнса до сих пор вызывает споры и дискуссии в среде специалистов. И это не случайно – сам стиль работы, предполагающий активное использование математических понятий без их окончательной математической обработки, порождает массу недомолвок, недоговоренностей и двусмысленностей. Возможно, именно поэтому последующая компактная статья Дж. Хикса, посвященная формализации теории Кейнса, была воспринята сообществом экономистов как откровение. По-видимому, этим же обстоятельством объясняется популярность знаменитого учебника П. Самуэльсона, в котором множество экономических идей были формализованы и конкретизированы. Таким образом, в начале XX в. старый, гуманитарный стиль изложения экономических вопросов привел к чрезмерному усложнению науки и породил новый и более простой способ описания – математический.

⁷ “Капитал” К. Маркса, состоящий из трех основных томов и дополнительного четвертого с критикой альтернативных учений, сегодня эквивалентен 12-томному собранию сочинений со стандартными томами. Вдумчивое штудирование такого объема материала наряду с другими источниками сегодня представляется просто нереальным.

3. *Замена математических моделей имитационным (компьютерным) моделированием.* Колоссальное усложнение общественной жизни на протяжении XX в. привело к тому, что экономико-математические модели настолько усложнились, что их анализ стал во многих случаях либо невозможным, либо чрезвычайно трудоемким. В это же время стало ясно, что никакая формула уже не может в полной мере выразить содержание социальных систем. Возникший методологический кризис не получил широкой огласки, но частично был преодолен переходом в 1970-х гг. к имитационным компьютерным моделям, а само экономическое моделирование превратилось в разновидность инженерной науки. При этом технология построения имитационных моделей чрезвычайно проста, что и позволяет говорить о новом этапе в построении экономической науки.

4. *Замена методов прогнозирования технологий Форсайта.* Примерно с 1990-х гг. традиционные методы прогнозирования и жесткого планирования были заменены на Форсайты и индикативное планирование. Это было связано с тем, что сложный прогнозный инструментарий не позволял ответить на самые простые вопросы, а сложные процедуры состыковки централизованных планов не давали гарантий их выполнения [Балацкий, 2010]. Технологии современных Форсайтов и индикативного планирования гораздо проще в инструментальном плане, однако на практике оказываются более действенными. Простота новых подходов позволила существенно продвинуться в практике предвидения будущего.

Мое описание качественных переходов в развитии экономической науки не является исчерпывающим и категорическим. Например, наряду с короткими статьями продолжают выходить и монументальные монографии; параллельно с математизированными исследованиями осуществляются и работы гуманитарного профиля; математические модели конкурируют с компьютерными, вступая порой в сложные альянсы друг с другом; технологии разработки Форсайтов сосуществуют с традиционными методами прогнозирования. Тем не менее только возникновение альтернативных научных подходов позволило экономике поступательно двигаться вперед. Сегодня назрело новое “кризисное сгущение”, которое требует адекватного разрешения.

Грядущая глобальная методологическая чистка

Резюмируя сказанное, отмечу следующее. Прежде всего концепции “экономического империализма” ничто не угрожает, и в будущем она по-прежнему будет играть роль объединяющего фактора при проведении социальных исследований. Однако само экономическое знание и общий социальный анализ станут дрейфовать в сторону потери универсальности своих методов и выводов с одновременным инструментальным упрощением.

В данной работе я концентрировался на понятии сложности, которое имеет ключевое значение для уяснения рассматриваемых вопросов. Дело в том, что сложность вносит необратимые коррективы в логику и методологию науки. Так, по Талебу, сложными системами являются такие, между элементами которых существует сильная взаимозависимость – и временная (переменная зависит от своих прошлых трансформаций), и горизонтальная (переменные зависят друг от друга), и диагональная (переменная A зависит от прошлого переменной B , а также от ее ожиданий) [Талеб, 2012, с. 100]. Такого рода системы изменяют традиционные представления о соотношении причины и следствия.

Обращение к понятию сложности приводит к пересмотру того, что такое знание. Ключевыми для понимания вектора изменений являются тезисы Талеба: «Знание разностно, а не аддитивно: знание – то, что мы вычитаем (проводя редукцию по принципу “что не работает”, “чего не делать”), а не то, что мы добавляем (“что делать”)». “Считается, что ум – способность замечать значимое (обнаруживать закономерности); но в сложно устроенном мире ум – в том, чтобы игнорировать незначимое (отвергать ложные закономерности)” [Талеб, 2012, с. 207].

Если опереться на данные суждения, то понятно, куда будет вырубивать общий социальный анализ. На мой взгляд, это развитие методологии имитационного моделиро-

вания и проведения оперативных социальных экспериментов. Получаемые в процессе такого исследования знания будут принципиально контекстны, то есть они больше не станут нести на себе печать ложной универсальности. Как это было и ранее, некоторые традиционные методы сохранятся и будут сосуществовать с новыми. Думается, что абсолютное большинство сложных аналитических моделей и теорий ждет сдача в архивы истории науки, однако некоторые, самые простые и содержательные, останутся, чтобы служить некоей точкой отсчета при осмыслении социальных явлений. Главное же состоит в том, что грядет колоссальная “чистка” имеющегося экономического знания; все лишнее и ненужное будет ликвидировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С.* От “экономического империализма” к стремлению к взаимопониманию // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3.
- Алле М.* Современная экономическая наука и факты // *THESIS*. 1994. № 4.
- Балацкий Е.В.* Кризис социальных наук в свете концепции старых рынков // *Социологический журнал*. 2010. № 2.
- Балацкий Е.В.* “Теоретические пузыри” на рынке научных исследований // *Общество и экономика*. 2009. № 4–5.
- Балацкий Е.В.* Технологии предвидения будущего: от сложного к простому // *Капитал страны*. 07.10.2008 (<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/64/>).
- Беккер Г.С.* Экономический анализ и человеческое поведение // *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
- Бузгалин А.В.* Economics и “экономический империализм”: альтернативы есть // *Вопросы политической экономии*. 2012. № 1(2).
- Гуриев С.М.* Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3.
- Дроздов А.Ю.* Эволюционный инстинкт // *Капитал страны*. 22.08.2010 (<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/178396>).
- Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 3 (<http://www.ecsoc.hse.ru>).
- Забастовка студентов Гарварда, не желающих изучать стандартный курс “Экономика” // *Вопросы политической экономии*. 2012. № 1(2).
- Канеман Д.* Внимание и усилие. М., 2006.
- Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М., 2009.
- Латов Ю.* Ауман Роберт Джон / Гуманитарные науки (http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/AUMANN_ROBERT_DZHON.html).
- Либман А.М.* Границы дисциплин и границы сообществ (Два аспекта экономического империализма) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.
- Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
- Олейник А.Н.* Расширенная версия теоремы Коуза и пределы “экономического империализма” // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4.
- Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2.
- Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6.
- Рубинштейн А.* Дилеммы экономиста-теоретика // *Вопросы экономики*. 2008. № 11.
- Тaleb Н.Н.* О секретах устойчивости. Эссе; Прокрустово ложе. Философские и житейские афоризмы. М., 2012.
- Тамбовцев В.Л.* Перспективы “экономического империализма” // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5.
- Фурсов А.И.* “Реформа” образования в России сквозь социальную и геополитическую призму // “Русская народная линия”, 07.11.2011 (http://www.rusline.ru/analitika/2011/11/07/reforma_obrazovaniya_v_rossii_skvoz_socialnuyu_i_geopoliticheskuyu_prizmu/).
- Шабанова М.А.* Социоэкономика и современность (О пользе и рисках экспансии экономического подхода) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4.